

Сергей Жоголь

ГЛАЗОК

СБОРНИК МИСТИКИ И ХОРРОРА

Сергей Жоголь

**Глазок. Сборник
мистики и хоррора**

«Издательские решения»

Жоголь С.

Глазок. Сборник мистики и хоррора / С. Жоголь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901727-7

В очередной сборник вошли самые жуткие и душераздирающие рассказы автора, написанные в жанрах мистики, хоррора и тёмного фэнтези. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-901727-7

© Жоголь С.
© Издательские решения

Содержание

Глазок	6
Ахиллесово копьё	13
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глазок

Сборник мистики и хоррора

Сергей Жоголь

© Сергей Жоголь, 2020

ISBN 978-5-4490-1727-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глазок

Небо потемнело, до дома оставались считанные метры. Пакет с картошкой сильно оттягивал руку, Юля почти бежала. Только бы дождь не начался до того, как она забежит в подъезд. Чёрная «Мазда» плавно затормозила у тротуара. Дверь открылась, и Юля задержала дыхание. Она узнала соседа по площадке. Игорь высунулся из машины: стильный пиджак, лаковые ботинки, а стрелки на брюках такие, что порезаться можно. Мужчина смотрел игриво.

– Привет, соседка! Куда спешишь?

Женщина остановилась.

– Ну, ты и спросил. Домой бегу? – Юля уставилась на отполированную до блеска машину. – Новая? Когда успел?

Игорь с гордостью откинулся на спинку сиденья.

– Ты про мою ласточку? Вчера ещё в салоне стояла. Скажи, классная: кондей, парктроник... Короче, – «полный фарш».

– А старую куда дел?

– Да так, сбавил тут одному... по дешёвке.

– Помнится, ты говорил, что твой «Форд» самый-самый. Точно также нахваливал.

– На тот момент он и был самый-самый, а сейчас... – Игорь нежно провёл рукой по приборной доске. – Гляди, какой аппарат. Садись, покатаю.

Юля рассмеялась:

– А Иринка тебе за такие покатульки холку не намылит?

Игорь хитро подмигнул.

– Улетела моя Иринка, аж на две недели – на Гоа укатила.

Мужчина смотрел, поджав губы, не отводил глаз. Юля фыркнула и отвернулась. Да вот хрен тебе, мачо долбаный. Шагнула к дому, но удержалась и снова посмотрела на Игоря. Тот улыбался. Волосы зачёсаны назад, ямочка на подбородке – знает же гад, что неотразим и пользуется этим, только не на ту напал.

– Вон оно что. Жена укатила, а ты сразу на взглядки, ясно, ясно. Только не в том направлении глядишь – я женщина замужняя, порядочная.

Игорь томно закатил глаза.

– Об-б-ож-ж-аю порядочных. Скорей же, садись, сгораю от нетерпения.

– Уже лечу! Кати ка ты, милоч, дальше и малолеток завлекай.

– Зачем мне малолетки? С ними же одна морока, толи дело опытные женщины...

Брови Юли взлетели вверх.

– Я что же, по-твоему, старая?

– Что ты, королева? Просто женщины в районе тридцати – мой любимый размер.

– Чего? Любимый размер? А не думаешь, что мой размер на тебя не налезет. Короче, ловелас. Кончай мне мозги пудрить и вали, а то мужу скажу.

– Ой, боюсь-боюсь. Ладно, я же знаю всё: твой Андрюха опять в командировку умотал? – левая бровь Игоря приподнялась. – Так что...

– Всё-то ты знаешь.

– Знаю. Мы же с мужем твоим ну, типа, приятели. Поехали, я же без всяких там задних мыслей, просто покататься зову.

– Знаю я тебя, сначала покатульки, потом поскакульки. Всех девок в округе перетоптал, петух гамбургский. Куда только Иринка смотрит?

– Так она мне верит? – Игорь сложил руки лодочкой и закатил глаза. – Я же существо невинное, ну... почти невинное.

Первые капли упали на асфальт. В глаз залетела соринка, и Юля, вытащив из сумочки платок, начала тереть глаза. Игорь попытался выйти и помочь, но Юля навалилась на дверь и затолкала любвеобильного соседа в машину. Ветер снова ударил в лицо, Юля прикрыла глаза ладонью.

– Катись, говорю. Я за день так намоталась, что препираться с тобой, уже сил никаких нет, спать хочу...

– Хочешь спать? Одна?

Ну, это уже слишком, каков наглец.

Юля показала мужчине средний палец, потом махнула рукой и, пробежав мимо лавочек, вошла в подъезд.

Лифта пришлось ждать долго. Кто-то наверху ездил с этажа на этаж. Юля думала об Игоре и о его клёвой машине. Всё-то у него просто. Захотел тачку новую – купил. Захотел квартиру трёхкомнатную – пожалуйста. Умеет зарабатывать, умеет и жить красиво. Ну и из себя... ничего такой, не то что Юлин муженёк. Андрей не урод, конечно, но всё же... зарабатывает не ахти сколько, потому-то они до сих пор в съёмной двушке живут.

Двери лифта наконец-то распахнулись. Рыженькая девчушка с седьмого этажа, проскользнув мимо Юли, бросила тоненькое:

– Здрасьте.

– Здрасьте, здрастьте, – строго сказала Юля. – Лифт у нас не для баловства поставлен, стою тут уже полчаса, а она разъездила.

Девушка, не сказав ни слова, выскользнула из подъезда.

Вот хамка, подумала Юля, можно подумать не к ней обращаются.

Юля поднялась на свой этаж и, выходя из лифта, зацепилась пакетом за лестничный проём. Пакет лопнул, и несколько картофелин выкатились на пол. Юля выругалась и бросилась собирать. Щёлкнул замок, сосед из тридцать шестой вышел на площадку. В спортивном костюме и куртке, как обычно, огромный такой... смурной. Юля даже до сих пор не знала его имени и в шутку называла его Гблемом¹. Мужчина прошёл к лифту и нажал кнопку вызова.

– Добрый вечер, – всё ещё стоя на четвереньках, произнесла Юля.

– Угу, – не поворачивая головы, буркнул мужчина.

Двери лифта распахнулись. Мужчина исчез за ними. С грохотом кабина лифта поползла вниз.

Послал же бог соседей: один так и норовит под юбку залезть, другой даже не посмотрит и слова не скажет – злой, как волчара тамбовский, а ещё рыжая эта, что за моду взяла лифт задерживать?

Юля зашла в квартиру, снова зацепившись сумкой, теперь уже, за стоявшие в коридоре лыжи.

– Андрей засранец! Любитель зимнего спорта, твою мать. Купил себе какую-то дрянную бэушную, типа будет зимой ездить. Сказала же, чтобы перед отъездом убрал, так нет тебе. Стоят, проход загораживают. Вот возьму и выкину эти дрова к чёртовой матери, – женщина прошла в комнату и завалилась в кресло.

По десять часов она пашет за копейки, а живут они с мужем как? Андрюхи вечно дома не бывает, мотается туда-сюда. И всё у него срочно. Куда вот опять поехал? Не то в Саратов, а может в Самару; оборудование они там опять какое-то ставят.

Юля огляделась. Старая мебель, потёртые обои, и это жильё? А Андрюха всё никак не хочет ипотеку брать. Страшно ему, видите ли, в кабалу лезть, просит Юлю подождать. Можно подумать ей самой не страшно.

¹ Гблем – глиняный великан, персонаж еврейской мифологии.

Перед глазами вновь появился образ Игоря. Вот этот уж точно ничего не боится. Деньгу зашибает, живёт с размахом, а ещё и перед носом у жены романы крутит. Иринка ведь тоже баба не простая. Что, если узнает?

На глаза попался старенький настенный календарь. Ой, а какое сегодня число? Завтра же за квартиру платить.

Деньги на оплату были отложены ещё накануне, но это не решало главной проблемы. Теперь Юле придётся общаться с ненавистной хозяйкой. Нужно же было Андрею свалить в эту дурацкую командировку как раз накануне прихода Галины Санны. Утром заявится, будет всюду свой нос совать, вопросы задавать: что да как, не задумали ли детишек завести, не дали ли Андрею повышения? Андрей с ней ещё как-то ладит, а вот Юля... Всё, довольно депрессировать, мыться и в койку, пока прямо здесь не уснула. Юля выбралась из «цепких» объятий кресла и поплелась в ванную.

Чего же она так истерит, Юля поморщилась и открыла глаза. Бегло глянув на висящие над кроватью часы, выругалась. Стрелки показывали половину третьего. Обычно, Юля не просыпалась от шума, доносящегося с лестничной клетки, – уже привыкла, но на этот раз беседа велась уж чересчур громко.

Совсем молодёжь обнаглела. Думают, всё им дозволено, а людям, между прочим, утром на работу. Юля встала, сунула ноги в шлёпанцы и накинула халат. С улицы в комнату проникал тусклый свет. Дождь поутих, однако, отдельные капли ещё постукивали по карнизу. Получается, что дождик их в подъезд загнал. Юля прошла на кухню и включила свет.

Огромный рыжий таракан, сидевший на скатерти, тут же сиганул под стол. Мерзость какая, Юлю передёрнуло. Подумать только, и за эту халупу они платят двенадцать тысяч. Всего два года они в этой дыре, а хозяйка уже дважды поднимала цену. Квартира угловая, стена в спальне промерзает, а дверь – фанерная с ржавым замком. Если Галина Санна хочет больше денег, пусть дверь металлическую ставит.

Юля подошла к холодильнику, достала бутылку минералки, сделала несколько глотков. Потом подошла к раковине, включила воду и ополоснула лицо. И вода тут какая-то не такая – мутная и ржавая. «Когда Андрюха вернётся, обязательно поговорю с ним, – решила Юля. – Сам всё время в разъездах, а я тут одна... с тараканами. На новую тачку он, видите ли, копит. Всё – хорош! Пусть думает, где взять деньги на первоначальный взнос, и берёт ипотеку. Хватит с меня уже этой босяцкой жизни, не девочка уже». Юля сделала ещё пару глотков, скриivilась – вода была слишком холодной – и поставила минералку на полку. Зайдя в прихожую, Юля включила свет.

Пора всё высказать этим полуночникам.

– Нет! Никуда я не пойду, и не проси! – донеслось из-за двери.

Незнакомка общалась визгливо, её голос показался знакомым. Юля отодвинула металлическую пластинку и прильнула к дверному глазку.

Девушка стояла, прижавшись спиной к стене. Глаза покраснели от слёз, блузка на груди расстегнулась, куртка съехала с плеч. Рыжие волосы, усеянное конопущками лицо, довольно пухлый рот. «Так вот это кто – соседка, та самая, что в лифте каталась. Как же её зовут? – напрягла память Юля. – Никогда бы не подумала, что у этой дурнушки есть парень».

Мужчина стоял чуть в стороне. Он был одет в коричневую толстовку, его голову скрывал капюшон. Когда незнакомец заговорил, Юля напрягла слух. В отличие от своей подружки, мужчина говорил очень тихо, хрипел. Слов было не разобрать, однако было ясно, что он рассержен. В глазок было видно, как рыженькая нервно кусает губы. Когда мужчина замолчал, девушка попыталась уйти.

– С меня хватит, я иду домой.

Мужчина ткнул девицу в грудь и прижал к стене.

Ого!.. это становится интересным, Юля задержала дыхание. Теперь незнакомец говорил громче, но слов по-прежнему было не разобрать. Так продолжалось несколько минут. Юля уже собралась открыть дверь и послать сорящуюся парочку к чёртовой матери, но тут мужчина снова толкнул собеседницу и отвесил ей хлёткую пощёчину.

Юля застыла в исступлении: «А это уже не шутки, наглеет дядечка. Понятно, что она страшенькая, но бить-то зачем? А эта дурнушка терпит, уж я бы этому засранцу, пусть бы только тронул».

– Пож-жалуйста, пусти, – в глаза девицы промелькнул страх. – Я не могу, не могу убить его.

«Что, убить? Кого? – Юля напрягла слух. – Это то, что я подумала?»

Девушка разрыдалась:

– Он ничего не будет тебе стоить. Я никому ничего не скажу и воспитаю его сама. Пожа-луйста, оставь меня. Я даже готова уехать, ни соседи, ни твоя жена не узнают о ребёнке. Я съеду отсюда, уеду навсегда.

Юля поняла, что не ошиблась: девочка в положении. Дело принимало интересный оборот. Юля почувствовала, как участился её пульс. Интересно, кто же это такой. Теперь мужчина стоял вполоборота, но лица всё равно не было видно. Юля пробовала поменять угол обзора, но это ни к чему не привело. Чтобы разглядеть незнакомца, ей придётся открыть дверь, но вот вопрос – стоит ли это делать?

Если девчонка говорит что съедет, значит, этот парень местный. Кроме того, получается, что он женат. Ну и дела. Кто же он? Может тот чернявый с третьего? Да нет, тот поплотнее будет. Может тот лысый женатик с пятого, который ездит на «Опеле»? В доме не меньше сотни квартир. Хотя... не факт, что он из нашего дома.

О Боже! А не Голем ли это?

Перед глазами Юли мелькнул образ соседа из тридцать шестой. Угрюмый и молчаливый, от такого чего угодно можно ожидать.

Мужчина снова заговорил, до Юли долетали лишь обрывки фраз: «плевать... сука... убью...». А вдруг не шутит? Юля схватилась за голову, ну и дела. И тут случилось то, что едва не заставило Юлю прекратить наблюдения.

Мужчина снова ударил девушку, на этот раз уже кулаком. Голова бедняжки дёрнулась и ударилась о стену, тело сползло по стене. На подбородке появилась кровавая дорожка, Юлю передёрнуло. Нужно это прекратить, ладонь легла на ручку двери, но тут же замерла. Пальцы сжались, Юля чувствовала, как затряслись колени.

Если позвонить в полицию... Когда они ещё приедут... Нет! Нужно самой! Нужно выйти и прекратить это безобразие!

Однако вместо того, чтобы выйти на площадку, Юля снова прильнула к глазку. То, что произошло потом, было ужасно.

Мужчина пнул девушку ногой, та застонала, потом попыталась подняться, но рука скользнула по стене. Девушка завалилась на спину и закричала:

– Мерзавец! Сволочь! Какая же ты сволочь!

Мужчина зажал девушке рот, рывком поставил её на ноги и потрянул.

– Заткнись, маленькая мразь. Ты разбудишь соседей.

На этот раз он говорил громче, и, хотя Юля стала понимать смысл сказанных слов, она не могла понять, знаком ей этот голос или нет. Юля отшатнулась и тут её осенило: «Игорь! Может постучать в стену? Игорь, конечно, засранец и пижон, но далеко не трус, уж он-то сумеет проучить этого хмурого ублюдка, если только он сейчас не у какой-нибудь бабы в койке».

В этот момент незнакомец отпустил рот девушки и опёрся рукой о стену. Его левая рука оказалась совсем близко. Рукав пиджака задрался, и Юля увидела знакомые до боли часы.

«Ролекс»? Юля вспомнила, точно такие же носит Игорь. Он частенько ими хвастал: «Золотой корпус, люминесцентное покрытие, хронограф». Получается, что это не Голем? Как же всё-таки плохо видно. Те часы, или просто похожие? Неужели Игорь на такое способен? К тому же он говорил, что не западает на малолеток. Вот только можно ли ему верить, и наш Игорёк не брезгует даже дурнушками? Значит он уже не первый раз с этой... Ну, девчонку-то понять можно: она страшненькая, а тут такой красавец, мысли путались.

С площадки снова послышались голоса, девушка умоляла:

– У меня никогда не будет детей, если я это сделаю...

Мужчина снова ударил. Юля почувствовала, как на её глазах выступили слёзы. Мужчина придерживал девушку рукой, а второй хлестал по лицу. Как же она такое терпит, ну нельзя же...

Девушка закричала, мужчина снова зажал жертве рот, потом вцепился в шею и сомкнул пальцы. Юля не могла поверить тому, что это происходит с ней, тут, совсем рядом. Она закрыла рот руками, слёзы ручьём катились по щекам. Ясно понимая, что нужно что-то делать, Юля не могла пошевелиться от страха.

Руки мужчины напряглись. Юля видела, как вздулись на запястьях вены. Лицо рыженькой соседки побагровело, глаза вылезли из орбит. В них было отчаяние, губы посинели. Девушка старалась оттолкнуть от себя убийцу, хрипела, пытаясь кричать, но силы были неравны. Так продолжалось чуть больше минуты.

После этого жертва замерла, убийца отступил, и тело рухнуло к его ногам. Юля попятилась, упёрлась спиной в стену.

Чёрт... чёрт, чёрт...

Ой, а что если этот мерзавец поймёт, что его видели? Юля с ужасом глядела на злополучную дверь: два слоя фанеры; старенький замок, который закрывается на один оборот.

Стоп! Сегодня, когда она пришла домой, бросила на пол сумки, включила свет...

А закрыла ли она дверь?..

Есть у неё такой грешок. Андрей частенько ругал Юлю, когда она забывала запереть квартиру. А сегодня Андрея-то нет!!! Проверить или нет?

Юлю шагнула к двери, послышался хлопок, и женщина машинально опустила металлическую задвижку глазка. Движение за дверью прекратилось. О Боже, зачем же она это сделала?

Примерно с минуту Юля стояла без движения. Капли пота стекали по спине. Шёлковая ночнушка и толстый халат, который она накинула накануне, промокли. Юля боялась даже дышать. А что если дверь и в самом деле не заперта? Этот ублюдок совсем близко, стоит ему лишь навалиться, толкнуть плечом...

Снова послышалась возня. Женщина судорожно размышляла: «Если убийца Игорь, он наверняка не станет оставлять труп возле своей квартиры. Сейчас он спустит свою подружку по лестнице, загрузит в багажник новенькой „Мазды“ и вывезет за город. Там постарается избавиться от тела: зароет или бросит в воду. Только бы он не догадался, что я всё видела».

Юля всё-таки собралась с силами и выключила свет. Сухой щелчок показался громким, точно выстрел. Движение в коридоре снова прекратилось. Юлю опять затрясло. Чёртовы стены. Лучше уж вообще ничего не делать. Пусть он сначала уйдёт, а уж потом она вызовет полицию. Юля простояла, почти не дыша, минут десять.

За дверью тоже всё стихло. Может ушёл? Неизвестность пугала всё сильнее. Юля не удержалась, отодвинула задвижку и снова посмотрела в глазок. Глаз, увеличенный линзой, застыл напротив её лица. Перекошённое лицо мужчины выглядело ужасно. Юля вскрикнула и отскочила.

Голем! Такой же страшный и злой. Или всё-таки Игорь?

Убийца был тут, рядом, заглядывал в квартиру с другой стороны. То, что произошло потом, на мгновение вогнало молодую женщину в ступор. Раздался грохот. Стоявшие в коридоре лыжи полетели на пол.

– Твою мать. Говорила же, не место им тут! – Юля не сразу поняла, что произнесла это вслух, убийца рыженькой соседки не мог не услышать этих слов, а уж если говорить про грохот... Всё – это конец. Звонить в полицию! Срочно звонить!

Юля бросилась в комнату, включила свет и стала озираться по сторонам. Мобильник лежал на стопке журналов. Как только он оказался в руках, ручка входной двери опустилась. Юля бросилась к дверям. Дура, вот дура, нужно было сперва проверить дверь, а потом уж бежать за телефоном. Юля запнувшись о валявшиеся на полу лыжи, чуть не упала. Ударилась локтем о косяк. Боль пронзила руку до самых кончиков пальцев. Телефон выпал из рук и рассыпался на части. Юля сдержала стон. Дверь подалась вперёд и приоткрылась. Значит, всё-таки, не заперла! Юля надавила на дверь плечом, но та не поддалась, убийца вставил ногу в щель. Юля упала на колени, схватила валявшийся корпус мобильного, оттолкнув лежавшую рядом заднюю панель, принялась шарить рукой под тумбочкой. Аккумулятор отлетел туда. Человек за дверью не спешил. Наконец-то аккумулятор оказался в руке, Юля вскочила и заперлась в ванной. Как только задвижка щёлкнула, входная дверь открылась. Мужчина вошёл и прикрыл за собой дверь. Юля зажала рукой рот, прижалась к стене.

Кап!.. Кап!.. Кап!.. Из крана текла вода. Капли разбивались о кафель, тикая, словно маятник часов. Юля, чтобы хоть как-то успокоиться, стала считать падающие в раковину капли: одна... вторая... третья... Когда Юля досчитала до тридцати, щёлкнул выключатель, скрипнула половица. В этой чёртовой квартире всё скрепит и трещит.

Чтобы хоть как-то прийти в себя, Юля дышала глубоко. Трясущимися пальцами она впикнула аккумулятор в телефон, нажала кнопку включения – ничего. Она нажала кнопку ещё раз.

И кто только придумал эти сенсорные экраны? Юля вспомнила свой старенький кнопочный «Samsung», тот падал десятки раз и включался без проблем. Только сейчас Юля разглядела на экране тонкую трещину. Ну, конечно! Андрей же говорил, что с этой штукой нужно обращаться бережно; если треснет экран, нужен дорогостоящий ремонт, а то и просто придётся покупать новую мобилу.

Скрипнула половица, убийца не спешил. Он прошёл в кухню, включил свет. Что-то щёлкнуло, зажурчало. «О, Боже, – удивилась Юля, – он пьёт... пьёт мою минералку. Ну, ты Игорёк, и наглец...»

Незванный гость закрыл холодильник и проследовал в комнату, заглянул в шкаф и только потом подошёл к ванной. Юля тупо уставилась на свой, теперь уже бесполезный телефон.

Андрей подарил его Юле на юбилей, говорил, что последняя модель, стоит двадцать пять тысяч; а когда Юля похвасталась подарком перед Иринкой, та лишь рассмеялась.

– Последняя модель? Двадцать пять штук? Побойся Бога, подруга! Это он так в салоне стоил, и то пять месяцев назад. Эту мобилу твой Андрюша у моего благоверного по дешёвке купил, за три тысячи. Мой чудик совсем помешался, как ребёнок её Богу, – Иринка повертела пальцем у виска. – У него три страсти: тачки, телефоны, и часы...

«Про баб забыла сказать», – про себя добавила Юля. Иринка беззаботно продолжала:

– ...мой Игорёк, как только новая моделька в продаже появляется, так из штанов выпрыгивает, но купит. Ходит потом и рисуется, а от старых своих игрушек сразу избавляется, за копейки продаёт. Столько деньжищ просаживает из-за этого, урод.

Игорь с этим телефоном полгода проходил, потом новый себе купил, а старый твоему Андрюхе сбаврил. Так что врун он – твой Андрюха. Все мужики такие...

После этой беседы Юля две недели не разговаривала с мужем. Сейчас, глядя на треснутый телефон, Юля вспомнила слова Иринки: «тачки, телефоны, часы...» На машину у Андрея денег нет, а вот на часы... «Ролекс» с золотым корпусом и хронографом – Андрюха ведь гово-

рил, что мечтает о таком. А если учесть, что Игорь с этими часами уже полгода... А что, если с часами так же, как с телефоном... по дешёвке!!!

Ручка опустилась, человек за дверью прокашлялся и заговорил:

– Три часа ночи, а ты решила ванну принять. Не поздновато ли? И почему дверь опять открыта?

Мужчина больше не хрипел, все сомнения исчезли. Это был голос Андрея!

Ахиллесово копьё

– А этот откуда нарисовался? Давай прибавь, может, проскочим, – Лёлька расправила плечи и рванула вперёд. – Проходу от него нет, уже третью неделю достаёт.

Снег хрустел под ногами. Голуби у лавочки клевали специально рассыпанное кем-то пшено. Саша втянула голову в плечи, прижала плотнее папку с конспектами и тоже ускорила шаг. До начала экзамена оставалось чуть больше десяти минут, а до технаря ещё топать и топать. Как же Лёлька достала со своими амурными делишками. Жуть. Ладно, чего это я, может эти двое просто так сюда забрели. Травку, поди, опять курят. Но, судя по поведению парней, Саша уже догадывалась, она напрасно тешит себя надеждами.

Увидев девчонок, Бита поставил на лавку недопитую бутылку, скомкал пакет из под чипсов и отряхнул руки о штаны. Макс Саенко щелчком отправил в снег недокуренную сигарету и оскалился. Эти двое, определённо, оказались здесь не случайно. Несколько пустых бутылок под лавкой и жёлтые пятна на снегу свидетельствовали о том, что Бита с Максом здесь уже давно.

Нас ведь подкарауливали, гады, Саша едва не расплакалась. Если она не успеет забежать на кафедру и сдать эссе, к экзамену её не допустят. У Лёльки была та же проблема.

Бита шагнул вперёд и, заложив руки за спину, преградил девчонкам дорогу. Лёлька, шедшая первой, в очередной раз выругавшись, была вынуждена остановиться.

– Чего надо, прыщавый, не видишь, торопимся мы! Отвали!

Саша отступила к кустам. Бита, он же Вовка Биткин, вовсе не был прыщавым. То есть не был сейчас, а раньше... Вовка с Лёлькой закончили одну и ту же школу в Самаре, и Лёлька утверждала, что тогда Биткин был именно таким. Правда тогда он о Лёлке и не помышлял. Бита был старше обеих девчонок аж на четыре года. Он поступил в колледж гораздо раньше, и сейчас они с Максом Саенко учились на четвёртом курсе.

Если бы Биту назвал прыщавым кто-то другой, безумец сразу бы поплатился за непомерную дерзость, но с Лёлькой всё было иначе. Зачем она его задирает, теперь точно не успеем, злилась Саша на подругу.

Бита поморщился. Стоявший поодаль Макс хохотнул, но, тут же поймав на себе грозный взгляд приятеля, пожал плечами и примирительно замахал руками. Молчу мол, молчу. Бита повернулся и навис над Лёлькой, словно торнадо над домиком девочки Элли из сказки про Гудвина.

– Выбери слова, детка, не то я тебе такое устрою...

– Такое?.. Какое это такое?

Лёльку не так просто было запугать. Вот безбашенная, разве ж так можно с этим, подумала Саша и попыталась протиснуться мимо парней бочком. Не найдя что ответить, Бита сжал кулаки и огляделся. Увидев на лице Макса сдавленную ухмылочку, тут же заорал на приятеля:

– А ты чего щеришься, чудила!? Держи вторую, пока не упорхнула.

Саша не сразу поняла о ком речь, поэтому, когда Макс ухватил её за рукав и мощным рывком притянул к себе, тихонечко взвизгнула. Допрыгались.

Макс был одет очень уж по-осеннему: дутая куртка, бейсболка с логотипом «Basic», от парня пахло пивом и дешёвыми сигаретами. Запах «Дирола» только усиливал неприятные запахи. Саша дёрнулась, но парень держал её крепко. Сквозь зубы он прошептал:

– Не рыпайся, замухрышка, Вован сейчас с твоей подружкой потолкует, и можешь топать дальше, хошь к мамке, хошь к своим учебникам.

Тем временем Бита ухватил Лёльку за лямку сумки и притянул к себе.

– Ладно, прыщавого тебе прощаю, знаю же, что ты это не со зла. Прекращай ломаться, я ж к тебе не так просто, а... ну, по-серьёзному что ли.

Лёлька дерзко расхохоталась.

– Ой ли, красавчик,.. осчастливил так осчастливил. Всю жизнь о таком ухажёре мечтала и на тебе наконец-то повезло. Прямо принц на белой кобыле! Мамоньки щас от счастья рас-плачусь!

Вовка насупился, надул ноздри, словно бык на корриде, и, ухватив Лёльку за шею, притянул к себе так, что их лица оказались друг напротив друга.

– Ну, знаешь, краля, всякому терпенью приходит конец.

– Не смей руки распускать! Пусты сейчас же, не то сегодня же заяву накаатаю.

Лёлька рванулась, Бита снова дёрнул за лямку, из сумки на снег посыпались тетрадки и косметичка.

– Твою ж мать, ну ты и дебил. Чего делаешь-то? – Лёлька бросилась собирать вывалившееся из сумки барахло.

Бита разжал руки, отступил, и тут же поменял тон:

– Оль, ну кончай. Я же и впрямь, по-хорошему хочу. Думаешь, стал бы я так перед тобой унижаться, если бы не нравилась ты мне? Прекращай.

– Тварь! Сука! Урод! Ты хоть понимаешь, что тебе теперь будет?

Лёлька ползала по снегу на четвереньках и нервно совала в сумку подмокшие тетрадки. Бита был явно смущён. Макс тоже ослабил хватку, у Саши появилась надежда, что всё обойдётся.

Тут-то, откуда ни возьмись, и появился этот скрюченный очкарик.

– Эээ-й ввв-ы, осттт-авьте девчонок в покое.

Все четверо в недоумении уставились на непонятно откуда появившегося чудака.

Среднего роста, в сереньком пуховике и вязаной шапке, натянутой едва ли не ниже бровей, он стоял, ссутулившись, и дерзко глядел на Биту. За плечами у парня висел поношенный рюкзачок, руки он держал в карманах, как то весь подрагивал – непонятно, то ли от страха, то ли от холода и вовсе не выглядел воинственно.

– Эт чё ещё бля за пародия на рыцаря? Те чё, чмошник, жизнь надоела? – глухо прорычал Бита.

Лёлька поднялась с колен. На губах девушки мелькнула улыбка. «Во, дура, ещё усмехается, – простонала Саша. – Неужели не понимает, чем это закончится».

– Ччч-его уссс-тавился? – продолжал очкарик, пристально глядя на Биту. – Мог бы и ппп-омочь девчонке, хггг-аз такое устхгоил.

Саша почувствовала, как у неё похолодело внутри. Дурак... ну дурак, куда лезет-то?.. и тут же почувствовала рывок. Макс же развернул девушку к себе спиной и, сдавив рукой шею, плотно прижал к себе.

– Трындец зайке картавому, коррида начинается, – прошипел он прямо в Сашино ухо. – Только бычок на этот раз уж больно жидковатый.

– Он же убьёт его, прошептала Саша тихо.

– Не бойсь, не убьёт, может, малясь покалечит. – Макс хихикнул, отчего Саше ещё больше стало не по себе. Бита тем временем приблизился к незнакомцу и с силой толкнул его в грудь. Очкарик отлетел, но устоял на ногах. Бита ткнул парня ещё, на этот раз уже просто пальцем.

– Ну чё, задохлик, может пора сделать ноги? Я сёдня добрый, так что пять сек тебе на сборы, а потом: ннн-а стахгт... ввв-нимание... махгш. Беги пока не поздно. Не споткнись только.

Но картавый очкарик, похоже, был не робкого десятка. Он убрал в карман очки, скинул рюкзачок. После этого ещё больше скрючился, выдвинул челюсть вперёд и принял бойцовскую стойку.

– Ттт-олько ттт-хгонь меня ещё газ. Ппп-ожалеешь.

Саша улыбнулась, глядя на неумелого вояку.

– А рыцарь-то наш не фуфлю. Может спортсмен? – шепнул на ухо Саше Макс, в очередной раз, дохнув перегаром. – Лёлька – красотка. Она вряд ли на такого поведётся, а тебе чем не жених? Ты, Борисова, к нему приглядишься. Если его приодеть, да очёчки снять...

Саша хмыкнула.

– Не нужен мне этот Квазимодо сутулый.

В этот момент Лёлька крикнула:

– Молодец парень, врежь этому прыщавому, чтобы навсегда запомнил, как к девушкам приставать.

Незнакомец, словно приободрившись от Лёлькиных слов, шагнул вперёд и махнул рукой, Бита ударил на опережение.

– Ну дурила!.. дурила ты плюшевый, – Лёлька расстёгивала парню пуховик, тот тяжело дышал. – Не говорили тебе, что для одних молчание – золото, а для других – залог здоровья. Чего ж так стонешь? Он ведь тебя лишь разок ткнул. Если драться не умеешь, зачем полез?

– Ккк-опьё... Ккк-опьё убьёт этих ммм-ехгзавцев. Они ещё пожалеют.

Бита и Макс свалили сразу, как только очкарик упал на снег и стал корчиться, точно в эпилептическом припадке. Лёлька отошла от лавки, на которую они вдвоём уложили бедного парня.

– Больной он что ли?

– Точно больной – юродивый, – уточнила Саша. Скукожившись, она стояла в стороне и кусала губы.

– Копьё? Какое ещё копьё? Ты что и впрямь рыцарем себя возомнил? – поморщилась Лёлька. – Сань, не нравится он мне. Надо бы скорую вызвать.

Саша хмуро поглядела на скривившееся от боли лицо парня. Почему-то из головы не выходили слова Макса: «...чем не жених? Ты Борисова к нему приглядишься...». Ещё чего, больно он такой нужен – хлюпик. Саша посмотрела на часы:

– Ну всё, теперь точно не успеем. Придётся топтать на пересдачу.

– Скорую ему вызовем, да пойдём? Если Ксюху ещё ветром не унесло, может и успеем?

Ксюхой называли Ксению Петровну Звягину, препода по литературе, ту самую, которой нужно было сдать злополучное эссе.

– Скорая так просто от тебя не отстанет. Пока всё расспросят, пока твои данные возьмут. Знаешь у них на приеме, какие бабки дотошные сидят. Я как-то пыталась им дозвониться, когда у нас соседского пацана собака покусала, – недовольно буркнула Саша. – Так они у меня и номер полюса, и год рождения и... чуть ли не группу крови больного спросили. Можно подумать, я всё это знать должна.

– Что же, так и бросим его? – нерешительно поинтересовалась Лёлька.

Где-то ты, подруга, уж больно крута, а где-то... Саша вспылила:

– Пошли, ничего с ним не случится. Сам виноват – нечего было в свару лезть, коль со здоровьем нелады. Пошли, говорю, очухается твой рыцарь.

– Почему это мой? Может он на тебя запал, – рассмеялась Лёлька, и точь-в-точь повторила слова Макса Саенко: – «Ты приглядишься, чем не жених?»

Саша насупилась, дёрнула Лёльку за рукав, и девчонки побежали вдоль кустов по протопанной дорожке.

Ксюху они застали уже на пороге. Та для приличия поломалась, а потом согласилась не только принять эссе, но и чиркнула в зачётках допуск к экзамену, ничего не проверяя. Неплохая она всё-таки баба, больше грозит, а в душе добрая. Да и Лёлька молодчина. Наплела ей с три короба, рассказала о нападении в парке, поведала и об очкарике, представив его отважным героем. Правда приврала Звягиной, что парню они скорую всё-таки вызвали и после экзамена обязательно справятся о его здоровье. Расчувствовавшись, Ксения всё и подписала, затребовав от девчонок, что потом они обязательно расскажут ей, как чувствует себя их отчаянный спаситель.

Потом был экзамен.

К началу они, конечно, не успели, но препод Горыныч – он же Михаил Аронович Кобрин – в этот день тоже был настроен доброжелательно. Почти два часа мучений, и положительные отметки в зачётках стали заслуженным поощрением за пережитые невзгоды. Когда девчонки вышли из аудитории, Лёлька бросилась Саше на шею.

– Супер! Всё просто супер! Признаться, я уже и не верила, что всё получится.

– Ты бы меньше хвостом крутила. Тогда бы к нам всякие и не лезли. Ещё бы чуть-чуть, и никуда бы мы не успели. Опоздай мы хоть на пару минут... Ушла бы Ксюха, и не было бы у нас осенних каникул. Сидели бы всю неделю и зубрили бы.

– Ладно не ворчи, хорошо же всё, – Лёлька хлопнула Сашу по плечу и отступила.

– А ты и впрямь хочешь парня этого отыскать, чтобы о его здоровье справиться?

Лёлька ответила не сразу. Он долго рылась в сумочке, потом вскинула голову и переспросила:

– Не поняла, ты о чём?

– Мы же Ксюхе пообещали, что узнаем про того очкарика. Ну того... из парка. Мол, как здоровье и всё такое.

Лёлька звонко рассмеялась.

– А ты ведь на него запала. Ну, признайся, запала?

Саша процедила сквозь зубы:

– Дура что ли? Нужен он мне, юродивый этот. Ты лучше скажи, что мы будем потом Ксюхе говорить? Если спросит.

Лёлька махнула рукой, подошла к окну и стала вываливать на подоконник содержимое сумки.

– Да где же он? Посеяла, точно посеяла.

На подоконнике оказались несколько помятых тетрадей, косметичка, зонтик, полупустая пачка влажных салфеток и ещё какое-то барахло.

– Голову потеряла? – спросила Саша.

– А?.. Чего?.. Да иди ты! Телефон у меня пропал. Похоже, я его в парке обронила, когда Вовка у меня сумку вырвал.

– Что делать будешь?

– Что-что, в парк пойду, искать! А вот, если не найду... Предъявлю уроду. Пусть новый покупает. Козёл.

– А Ксении-то мы что скажем, ну... про очкарика?

– Да нужен он мне? Это ты, я смотрю, его забыть не можешь. Что скажем, что скажем? Скажем, что навестили, что жив, здоров. Ладно, побежала я, может, отыщу ещё телефон, в общаге встретимся, пока.

Лёлька чмокнула подружку в щёку и побежала к лестнице.

– А ты в Самару-то свою поедешь? На каникулы, – крикнула Саша вдогон.

– Не знаю пока, ещё не решила.

Вот всёгда она такая.

Как только Лёлька исчезла из виду, Саша хлопнула себя ладошкой по лбу. Вот торопыга, куда поскакала, нужно было сначала позвонить. Саша достала свой телефон и быстренько набрала Лёлькин номер. Послышались длинные гудки.

Так, что же это значит? Если бы кто-то подобрал Лёлькину «трубу» чтобы вернуть, он бы, всяко, ответил. Если этот кто-то решил бы оставить телефон себе, он бы его отключил и сменил симку. Но гудки идут, значит... Что же, поспеши, подруга, возможно, твоя пропажа всё ещё лежит где-то под скамейкой в парке. Саша почувствовала, что в животе урчит; ничего же не ела со вчерашнего вечера. Столовая находилась на седьмом, и Саша направилась к лифту.

Морозное утро сменилось довольно тёплым днём, вечером же наступила полная слякоть. Мокрый снег валил и валил, Саша ежилась, неспешно шагая по тротуару. Снег под ногами чавкал, подошвы скользили по местами оголившемуся мокрому льду. Пальцы на ногах скукожились. «Промочила... всё-таки промочила, вот он китайский ширпотреб, или подошва треснула, или швы разошлись. Говорила же Лёлька доплати и возьми турецкие. Бедные мои ноги. Холодно-то как, ой, слягу я, точно слягу, – вздохнула Саша и тут же махнула рукой. – Хотя плевать. Экзамен сдан, теперь можно целую неделю дома отсиживаться». Ни сырые стельки, ни летящие в лицо холодные хлопья уже не испортят ей настроения. Почему она снова пришла сюда, Саша так и не поняла.

Солнце уже спряталось за деревьями и первые фонари как бы нехотя зажглись. Саша шагала меж потускневших кустов, обходила поржавевшие от времени беседки с узорными рисунками. Из-под почерневшего от грязи снега кое-где пробивался чёрный как уголь асфальт. Голуби, привлёкшие её внимание днем, улетели, их сменили несколько серых взъерошенных ворон, сидевших на спинке скамейки. При приближении Саши они закаркали, взлетели и переместились на ближайшую осину. Саша подошла лавочке и огляделась, повсюду на снегу виднелись многочисленные грязные разводы.

Вряд ли Лёлька смогла бы найти здесь свой телефон. А если бы и нашла, то в такой каше он бы сразу промок и заглохнул. Всё растаяло. Саша сделала очередной прозвон: из трубки по-прежнему слышались длинные гудки. Кто ж его подобрал-то, или Лёлька всё-таки нашла и не отвечает? На подругу это было похоже. Может, нашла и выключила громкую связь, а сама на радостях упорхала... с очередным ухажёром... в кафешку или в клуб, а Сашу, как обычно не позвала – Лёлька не из тех, кто таскает с собой страшенькую подружку, чтобы выбрать лучшего парня себе. Лёлька и так всегда забирала лучших. К подобным выходкам подруги Саша давно привыкла и не обижалась, или делала вид, что не обижается. А может, нашла деньги на билет и в свою Самару упорхнула? Теперь позвонит дня через три, когда нагуляется. В Самаре у Лёльки жили мать и брат. Тот работал дальнобойщиком и, время от времени, снабжал беспечную сестрёнку деньгами.

Саша вздохнула и стала рассматривать следы. Всё вокруг истоптано, а это что? Протектор? След от машины? Неужели за парнем и впрямь приезжала скорая? Значит, кто-то всё-таки вызвал. Движение за спиной заставило Сашу вздрогнуть и обернуться. Сгорбившись, человек стоял в тени дерева и курил.

– Что, Борисова, за рыцаря своего переживаешь?

Саша узнала Макса Саенко, тот отбросил недокуренную сигарету, подошёл ближе и тоже принялся изучать следы. Макс был одет в туже серую дутую куртку, что и днём, бейсболка «Basic» была сдвинута на затылок.

– Что тут стряслось-то? – тихо спросила Саша.

Макс ответил не сразу, сначала всё осмотрел, поковырял носком кроссовка снежную кучу и подвёл итог:

– Похоже, не соврал Блоха, была тут скорая, протектор точно от «Газели». Прямо к лавке подъехали.

– Блоха – это кто?

– Так, есть тут один деятель, он в этом парке постоянно трётся, травку толкает, – Макс сплюнул под ноги. – Это он мне рассказал, что, как только мы отсюда свалили, сюда лепилы на скоряке приехали с мигалкой, очкарика на носилки погрузили и того... свалили, короче.

– Лепилы – это врачи? – переспросила Саша.

– Они самые, Борисова, они самые. Ты смотри – ничего и никому, а то если загнётся твой рыцарь, нам всем того, – Макс провёл большим пальцем по горлу, – кранты. Бите, за то, что очкарику в грудак двинул, а нам... Все мы теперь в попадосе. Мы ведь бросили его тут, а за оставление в опасности пострадавшего... Читайте УК РФ, статья сто двадцать пятая – до года.

Саша побледнела, Макс тихонько рассмеялся, но смех его показался Саше неестественным.

– Ладно, не дрейфь. Всё ведь это ещё доказать надо. Так что, – Саенко прижал указательный палец к губам, – роток на замок и молчок. Будешь? – Макс закурил очередную сигарету и протянул пачку Саше, руки его дрожали.

– Я не курю?

– Это ж не травка?

– Я вообще не курю? А ты сам-то чего трясешься?

Макс вздрогнул и огляделся.

– Что, так заметно?

– Угу.

– Предчувствие у меня хреновое, сегодня бабку-покойницу во сне видел, так она мне знаешь что заявила? Приходи скорее, внучок, говорит, заждалась я тебя. Жесть. А потом подходит за руку берёт и в лоб целует, а губы у неё холодные-холодные. Бррр... Вот так-то, – Макс махнул рукой и побрел в сторону парковых ворот, бросив напоследок, – помни, Борисова: УК РФ – до года бя... до года!

В общагу Саша заявила лишь через час. Придя в блок, поставила на батарею насквозь промокшие сапоги, выпила горячего чая с мёдом и завалилась в постель. Через час у неё поднялась температура. Ночью Сашу мучили кошмары: приснился злополучный очкарик, но до поцелуев в лоб, слава Богу, не дошло.

Лёлька ночевать так и не явилась.

Разбудил Сашу голос гнусавого карлика: «А-ха-ха, эс-эм-эска пхг... ишла! Эс-эм-эска пхг... ишла!» Схватив лежащий на подушке телефон, девушка протёрла глаза. Вот засранка, объявилась-таки. Саша прочла сообщение:

«Я в поезде. Еду к матери. Вернусь когда вернусь. Здесь роуминг и связи почти нет, так что не звони».

Нашла всё-таки свою мобилу. Некоторым если уж и везёт, то везёт во всё. Саша со злобой отшвырнула телефон, и рухнула на подушку. Посмотрите ка, запятые поставила и буквы заглавные тоже. Саша надула губы, сладко потянулась и посмотрела на часы. Шесть тридцать одна. Ни хрена себе, такая рань, Лёлька в поезде и не спит. А может ещё и не ложилась? Саша откинула одеяло и прошла на кухню. Никого. Светка и Юлька, девчонки со второго курса, кото-

рые жили в смежной комнате, уехали по домам ещё позавчера: одна в Пензу, другая в Ижевск. Так что Саша осталась в комнате одна.

За ночь температура немного спала, но девушку ещё трясло. Укутавшись в толстый халат, Саша прошла к холодильнику, достала открытую коробку с молоком, сделала глоток, остатки вылила в глубокую миску. Два небольших яйца, одиноко скучавшие в ячейке дверцы, стали для Саши настоящим подарком. Разбив яйца в тарелку с молоком, Саша взбила смесь вилкой, сыпанула туда же ложку сахара и снова взбила. В хлебнице должна была лежать половинка батона, но к ужасу Саши её там не оказалось. Блин. Всё сожрали. Саша поставила на плиту сковороду, налила растительного масла и философски рассудила: «Раз гренок не будет, будем готовить омлет».

Через десять минут, соскребая остатки омлета с тарелки и запивая их несладким чаем, Саша нажала кнопку на пульте. Единственный телевизор в комнате, висел на кухонной стене – маленький, зато с жидкокристаллическим экраном. Показывали последние новости.

– Сегодня в парке «Дубки» лицами без определённого места жительства был обнаружен труп молодого человека... – тревожным голосом вещала хорошенькая девушка-диктор.

Саша высморкалась, подошла к столу, подлила в наполовину опустевшую чашку кипятка и снова уселась перед экраном. Ночью нос совсем заложило, в горле першило. Всё-таки заболела, блин.

В отличие от соседок по блоку, Саше некуда было ехать. Она приехала учиться из Гущина – райцентра, больше походившего на обычную деревню. Саша росла без отца, а мать, отправив повзрослевшую дочь учиться в большой город, тут же спуталась с Семёном Волковым. Тот работал трактористом у Гущинского фермера. Семён неплохо зарабатывал, по крайней мере в то время, когда не уходил в запой. У Семёна было двое мальчишек от первой жены, та умерла, рожая второго. Сашина же мать, обоих мальчиков привечала, о Саше же вспоминала нечасто. Пристроилась же в городе, пусть учится, да мужа хорошего ищет. Где его тут, мужа-то найдёшь, особенно с её внешностью, рассуждала Саша. Мать вон Сёмку своего и то с каким трудом нашла. А мать ведь покрасивее Саши, та в отца пошла.

От грустных размышлений Сашу оторвала очередная фраза из телевизора. На этот раз говорила ведущая с места событий:

– Предположительно трагедия произошла вчера между девятью и десятью часами вечера. Убитым оказался студент технического колледжа Максим Саенко. При нём обнаружены документы: водительские права и студенческий билет...

Саша вздрогнула и припала к экрану. Место трагедии было оцеплено. В телевизоре маячили какие-то люди. Кто-то снимал отпечатки, кто-то измерял отметины на снегу. Кинолог со служебной собакой готовился приступить к поиску. Девушка-фотограф делала снимки. В карету скорой помощи с надписью «реанимация», двое дюжих санитаров впихнули носилки.

Лицо парня было покрыто белой простынёю, не груди алело багровое пятно. Убитый был одет в серую куртку. Один из медиков, положил в машину бейсболку с надписью «Basic». Оператор новостей снимал всё крупным планом, поэтому Саша разглядела каждую деталь. Камера вновь переместилась на телерепортёршу.

– При убитом обнаружен кошелек с незначительной суммой, на нём дорогие часы и золотая печатка на среднем пальце левой руки. Так что полиция почти сразу отвергла версию убийства с целью ограбления...

Саша зажмурилась и зажала ладонями уши. Макс, получается, его убили сразу после того, как они пообщались в парке. Возможно, убийца тогда уже стоял в кустах и слушал их разговор. Саша тут же вспомнила про сон, приснившийся Максиму накануне и про холодный поцелуй бабки-покойницы. Бррр... мистика какая-то.

Саша взяла пульт и выключила телевизор. Потом глубоко вздохнула, задержала дыхание... и сразу же принялась звонить Лёльке. «Абонент вне зоны действия сети», – послышалось в трубке. Саша выругалась, в поезде связь никудышная, но ведь можно отправить эс-эм-эс.

«Саенко убит сегодня в парке, рядом с тем самым местом. Думаю, нам надо идти в полицию».

Отправив сообщение, Саша отшвырнула телефон и подошла к окну. Мокрый снег, который сыпал вчера, прекратился. Теперь за окном накрапывал обычный дождик. Теперь всё растает. Только навряд ли кого обрадует эта весна. Саша пошла на кухню, включила чайник и, когда тот вскипел, снова долила в чашку кипятка. Там всё ещё одиноко лежал уже дважды использованный пакетик. «А-ха-ха, эс-эм-эска пхг... ишла! Эс-эм-эска пхг... ишла!» – заверещало с кухни. Саша вздрогнула. Голосок карлика, установленный на телефоне, очень уж напоминал голос того картавого зайки из парка, бывает же такое. Лёлька отвечала:

«А что с парнем, которого мы оставили умирать?»

Саша вспылила: «Дура что ли? Совсем рехнулась. Ты, может, ещё и в полиции так же скажешь», тут же набрала очередное послание:

«Парня увезли на скорой. Надеюсь, он ещё жив?»

«А-ха-ха, эс-эм-эска пхг... ишла! Эс-эм-эска пхг... ишла!» – снова заверещал карлик. Какой мерзкий голосок, нужно будет поменять мелодию сообщения.

«Надеешься? Ну-ну...» – писала Лёлька.

Саша вздрогнула, её осенило: прописные буквы, отменная пунктуация – это же не Лёлька, да она же никогда так не писала эс-эм-эски. Карлик снова захохотал.

«В полицию не ходи. Слышала про 125-ую статью?»

Саша отбросила телефон, её словно током ударило. Не Лёлька, та уж точно не разбирается в уголовном кодексе. За стенкой что-то громыхнуло, послышался громкий визг, потом отборный мат – соседи. Просто уронили что-то, успокоила себя Саша. В общаге такая слышимость, хоть стой хоть падай, а куда деваться, если стены из картона? Саша осторожно протянула руку и, коснувшись телефона, тут же отдёрнула, словно ухватила за горячий утюг, потом всё-таки взяла. Нет... ну нет же... этого просто не может быть. Набрала сообщение:

«Ты кто?»

Телефон какое-то время молчал, крики за стенкой прекратились, и тут карлик заверещал снова. Саша прочла сообщение.

«Догадалась-таки. Ну что ж – я тот, кого ты убила».

Псих какой-то, Саша быстро набрала ответ, пальцы подрагивали:

«Я никого не убивала».

«Ты оставила меня умирать, и я умер. Пишу тебе с того света».

Сучёнок, кто ж ты такой?

«Ты что, призрак?»

«Да! Я призрак».

Шизик какой-то, а может извращенец, ну погоди.

«Не ври, призраков не бывает».

«Ты в этом уверена?»

Чего же руки-то так трясутся?

«Абсолютно уверена. К тому же, тот парень выжил».

За стенкой снова слышались крики и звон разбитой посуда. Как же они достали, уроды. Опять Лёха с третьего курса с зазубной своей что-то не поделил. Да трахни ты свою Маринку, она и успокоится, хрен ли с ней спорить, а то опять всю посуду перебьёт.

«А-ха-ха, эс-эм-эска пхг... ишла! Эс-эм-эска пхг... ишла!» – снова заверещал телефон.

«Меня увезли на скорой, но я умер в тот же день. Однако, мой дух не хочет покидать эту землю, я не успокоюсь, пока не отомщу. Вам – всем четверым. Твоя подружка у меня и уже умоляет о пощаде. Копьё уже начало убивать».

Саша выронила чашку, обварив ноги кипятком.

– Вот скотина! Вот же скотина! Чего ему от меня надо? – Саша топнула ногой.

Кто же это такой, и откуда у него Лёлькин телефон, и где же, блин, сама Лёлька? Ладно, нужно просто успокоиться. Саша сделала глубокий вдох, выдохнула частями, как её когда-то учили на секции ушу, которую она посещала лишь полгода а потом бросила. Просто какой-то урод подглядывал за ними в парке, потом нашёл телефон и теперь собирается её шантажировать. Только зачем же за привидение себя выдавать? Макс же говорил про какого-то Блоху, того что травку толкает. Точно!.. ведь это он рассказал про то, что зайку скорая забрала, он же и телефон нашёл. Дрожащими руками девушка набрала ещё одно сообщение:

«Тебя найдут, урод, и плевала я на вашу статью из кодекса. Завтра же пишу заяву, жди ментов, тварюга».

Карлик снова захихикал, но следующее сообщение оказалось пустым. Саша отшвырнула телефон, в очередной раз утёрла покрасневший нос. Придётся занимать деньги на лекарства. «А-ха-ха, эс-эм-эска пхг... ишла! Эс-эм-эска пхг... ишла!», и это сообщение оказалось пустым. Когда пришло очередное эс-эм-эс, и Саша отключила телефон.

– Ну вот, тринадцатое октября, Пятаев Егор Андреевич— единственный кто под ваше описание подходит. Девяносто восьмого года рождения, был доставлен каретой скорой помощи с признаками сердечной недостаточности, – зачитала сводку из дежурного журнала сидевшая в регистратуре тётка. – Умер он, тот парнишка, в тот же день и умер, не успели до операционной довести. Я сама его не видела, но девчонки много про него болтали, всё как вы и описываете: в очёчках, сутуленький, симпатичный.

– Симпатичный? – Саша достала носовой платок и сильно чихнула.

– Только картавил он сильно, и ещё заикался... и чепуху какую-то нёс. Всё время кричал про какое-то копьё, – женщина нахмурила брови, – а вы что родственница?

– Нет-нет, что вы! Е меня просто парень пропал, – замахала руками Саша. – Только мой не Пятаев... не Егор. Моего... это... Димой зовут, да и не симпатичный он вовсе, а так...

– Бывает, – регистраторша понимающе кивнула.

– Загулял наверное, гад.

– Мужики – они все такие.

Саша глупо улыбнулась и быстро-быстро закивала.

– Точно-точно – все!

Женщина поправила очки и нахмурила брови.

– А вы уверены, девушка, что вам самой не надо к врачу? Вон, чихаете, нос красный как помидорина. Ходят тут, не лечатся, только людей заражают.

– Нет-нет, у меня всё нормально, – Саша замахала руками, – порошочки попою, и всё пройдёт.

– Тогда ступайте и не мешайте работать.

Значит, этот заика всё-таки умер, а эс-эм-эски писал Блоха, или лучше всё ещё раз перепроверить? Саша на цыпочках отошла от окошка, спустилась в курилку, там стояли двое в синих халатах. От санитаров девушка узнала, какое похоронное бюро забирало тело Егора Пятаева из реанимации. Поехала туда и справилась об усопшем, представилась родственницей. Работник похоронной конторы посмотрел на Сашу строго, но всё-таки сообщил на какое кладбище увезли бедолагу и назвал номер могилы.

Погода и в этот день была полное дерьмо: дул ветер, моросил дождь, из-за пасмурного неба стемнело раньше обычного. Автобус, едущий к кладбищу, ушёл прямо из-под носа. Чтобы дожидаться следующего и использовать проездной, Саша пропустила аж четыре маршрутки. Куда деваться – лишних денег нет? Приехала на кладбище уже затемно. С большим трудом отыскала могилу.

Находка рассеяла последние сомнения. С фотографии на Сашу смотрел хмурый паренёк – симпатичный, как же она это сразу не заметила, без очков – надпись на памятнике гласила: «Пятаев Егор Андреевич, 08.04.1998—16.10.2016». Без сомнения это был тот самый заика. Саша открыла калитку, положила на холмик купленную в цветочном киоске подвявшую гвоздичку. Собиралась было уже уходить, как услышала неподалёку шуршание.

Саша с опаской вышла из-за оградки и увидела косматого мужика, сгребавшего ржавыми граблями какой-то мусор. В ватнике, вязаной шапке и резиновых сапогах, мужик то и дело кряхтел и тихо напевал себе под нос: «Сердце красавиц склонно к измене и к перемене как ветер мая...» Опаньки, а голосина-то у дядечки что надо, хоть и тихо поёт. Саша, не смотря на подавленное настроение, так и прыснула со смеху, ничего себе герцог Мантуанский. Услышав смех, мужик распрямился:

– Вот те раз, а я уж было подумал, что нет тут никого. Чего улыбаешься, красавица, да, я бывший оперный певец? Не ходила, наверное, ни разу на «Риголетто».

– На него-то как раз и ходила, ну и ещё на парочку опер и всё, – Саша поёжилась. – Не чаяла тут встретить такое светило.

Мужик покачал головой, снял шапку и вытер вспотевший лоб.

– Да-а-а, вон она какая нынче молодёжь. Злые вы все какие-то, недобрые, так и норовите пожилого человека обидеть.

– Извините, ничего личного. Просто тогда в опере, тот, кто герцога играл... очень уж он на вас похож, только тот помоложе был и без граблей, – Саша сдержала улыбку.

– Когда я в опере партию герцога исполнял, ты, девонька, ещё пешком под стол ходила. Так что не меня ты там видела, не обессудь. Эх, – мужик махнул рукой и натянул шапку на самый лоб. – Ясно всё с тобой, скажи лучше, здесь-то чего ошиваешься?

– Да вот, знакомого навестить пришла. На похоронах не была, так вот думаю, что лучше поздно, чем никогда.

– Правильно думаешь, покойники они заботу любят, главное не перебарщивать.

– То есть?

– Будешь много о покойниках думать, они тебя к себе утянут. Покойники – они такие. Помянул их и хватит, о живых надо думать, а не о мёртвых.

Саша подошла к мужику поближе. От него пахло махоркой, запаха перегара Саша не почувствовала.

– А как это утащат?

– Как, как. Помрёшь и всё, вот как. Те, кто лишь воспоминаниями об усопших живут, и сами уходят раньше времени.

– А если покойники по ночам снятся? К себе зовут, руки протягивают... или в лоб целуют.

– Когда целуют ничего, зовут – это уже плохо, а вот если руки к тебе тянут, – мужик покачал головой, – тут ой как беречься надо. Коль схватит за руку мертвец, то может и не отпустить, к себе утянет.

Саша вздрогнула, огляделась по сторонам. Кладбище освещали лишь два тусклых фонаря. Убираться отсюда нужно подобру-поздорову.

– А бывает так, что и умер человек, и, как бы, не умер?

– Это как?

– А вот схоронили его, а он тебе на телефон сообщения шлёт.

– Сообщения тебе кто хошь прислать может, шутников у нас хватает, – мужик задумался. – Вот если бы он тебе позвонил...

– Нет, не звонил пока. Ладно, спасибо и извините, что отвлекла от дел, побегу, а то уж больно жутко тут у вас, а мне ещё ехать далеко.

Саша махнула мужику, а он снова взялся за грабли.

Пройдя меж могил, Саша вышла к развилке. Не заблудиться бы. Уж больно быстро темнеет. Притоптанная тропинка изгибалась и терялась за кустами. Надо было спросить дорогу у мужика, Саша обернулась, в этот момент зазвонил телефон, у Саши похолодело внутри. Высветился Лёлькин номер. Сняв зубами перчатку, Саша нажала соединение.

– Ппп-хгивет. Ччч-то, навестила ммм-ою ммм-охгилку?

Опять этот грёбаный шантажист. Сейчас я ему...

– Кто ты такой? – спросила Саша строго.

– Ссс-ама догадайся.

– Ты обычный вымогатель и извращенец. Никакой ты не призрак и не пытайся меня запугать. Не успокоишься, в полицию пойду.

Какое-то время собеседник молчал, потом заговорил:

– Ннн-е думаю, что ты на это хггг-ешишься. Ннн-е всё так ппп-хгосто...

– Да пошёл ты, скажи, чего хочешь и не смей мне больше звонить, если собрался меня шантажировать, то взять с меня нечего. Нет у меня ничего!

– Ттт-о, что я хочу зzz-абхгать, у тебя есть.

– Это что же?

– Ттт-вою жизнь, ддд-ухга!

Саша вздрогнула, а если он и впрямь...

– Ещё раз позвонишь, точно заяву напишу, – сказала девушка уже тише.

– Ннн-у ладно. Ннн-е хочешь ггг-овохгить и ннн-е надо. Я-ттт-о думал ттт-ебе будет интехгесно узнать, ччч-то стало с ттт-воими дхгужками... и с ппп-одхтужкой.

Саша замерла. Друзьками? Неужели и Биту... Да неь, Бита здоровяк, любого уработает, а вот Ольгу...

– Что с Лёлькой?

– Ддд-евочка ещё жжж-ива. Ппп-хгавда не совсем зzz-дохгова.

– Что с ней?

– Ссс-тала хуже ссс-лышать.

– Почему?

– Да так... я еее-й ухо отхгезал.

Саша зажала ладонью рот, врётся, сука; в этот момент связь прервалась, палец рефлекторно нажал на кнопку вызова и вдруг... невдалеке сквозь кусты, она заметила одиноко стоящую фигуру. Блоха!?

Знакомая испанская мелодия не заставила себя ждать, она неслась оттуда, где стоял незнакомец. Холодная капля скатилась между лопаток. Это же Лёлькина заставка, тот, кто только что разговаривал с Сашей по телефону, сейчас прятался там... в этих самых кустах. Саша поднесла трубку к уху... услышала длинные гудки, а задорные испанские напевы продолжали тиранить душу. Тут незнакомец отключил телефон и вышел на свет.

Сутулая фигура, очки, надвинутая низко шапка. Нет!.. ну нет же!.. никакой это не Блоха. Он!.. точно он – проклятый заика. Кто же тогда умер в больнице?

В одной руке парень держал уже умолкший телефон, в другой блестело что-то острое. Саша стиснула зубы, что это – нож... а может наконецник копыя?

– Помогите! Убивают! – Саша заорала и бросилась бежать.

– Стой! Стой, тварь! Стой, кому говорю!

Убийца бежал за ней. За всю свою жизнь Саша не испытывала такого страха. Дважды она едва не споткнулась, дырявые сапоги промокли насквозь, но беглянке было не до того. Даже когда она зацепилась за оградку и разорвала рукав, то не придала этому значения. Топот за спиной не прекращался. Всё это продолжалось не меньше минуты. Впереди что-то вспыхнуло, Саша бросилась на свет.

– Помогите! Пожалуйста, помогите! – девушка выбежала на открытую площадку и остановилась, перевести дыхание.

Уже знакомый Саше лохматый мужик сидел на потрёпанном деревянном стуле возле одноэтажной неказистой бытовки. Рядом стояли ещё несколько в рабочих робах, с лопатами и мётлами, и о чем-то говорили на непонятном языке. Рабочие. Таджики. Саша вздохнула с облегчением и обернулась.

Её преследователь куда-то исчез. Саша бесшумно рассмеялась. Это что – всё?

– Ты, что ли, орала? – поинтересовался бывший солист оперного театра, лицо мужчины выглядело встревоженным.

– Там это... – Саша чуть было не сказала «призрак», – маньяк с ножом.

Лохматый поднялся и поглядел на таджиков: – Давай поглядим, – те закивали.

– Лучше не надо. Просто проводите меня до остановки.

То, что произошло потом, Саша помнила плохо. Лохматый мужик с парочкой таджиков побродил по кладбищу, потом, никого не найдя, посадил её в автобус. Кондукторша долго ждала и сильно ругалась, пока Саша – руки тряслись – искала свой проездной. Потом она ехала, затем шла пешком до общаги. Снова через злополучный парк, слава Богу на этот раз обошлось, всё было как в тумане. Придя домой бедняга, завалилась на постель и тут же уснула. И, конечно же, ей приснился очкастый карлик.

Скрюченный, он бежал за ней по кладбищу, размахивал наконечником копья и, пронзительно смеясь, верещал: «А-ха-ха, эс-эм-эска пхг... ишла! Эс-эм-эска пхг... ишла!». Где-то вдалеке, взобравшись на могильную плиту, лохматый работник кладбища во фраке, в бабочке и в резиновых сапогах манерно распевал партию герцога из «Риголетто».

Из этого кошмара Сашу вывел резкий звук будильника. Она вскочила и тут же упала на кровать, уткнувшись во влажную подушку лицом. Через пару часов от общажного консьержа Митрича, девушка узнала о том, что в парке обнаружили тело Биты – в синяках и с колотой раной на груди.

Старший следователь Пал Палыч Кропоткин – именно так он представился – сидел за заваленным потёртыми папками столом и сосредоточенно тыкал пальцами в клавиатуру. Это был плотный мужчина под пятьдесят, с низким морщинистым лбом и густыми тёмными бровями.

– Значит, Александра Андреевна, вы утверждаете, что Биткина и Саенко зарезал один и тот же человек, и зовут его Егор Андреевич Пятаев. Так?

– Совершенно верно – Егор Андреевич Пятаев, только не зовут, а звали, – тут же поправила Саша. – Он же это... того... помер.

Следователь приторно улыбнулся, точно кот Леопольд из мультика.

– Этот же Пятаев ещё и похитил вашу подругу Ольгу Комкову?

– Лёльку.

Кропоткин покачал головой.

– А ещё, гражданка Борисова, вы утверждаете, что этот самый Пятаев сейчас охотится за вами? Правда вы в этом не совсем уверены, потому что он на днях был похоронен на Загорковском кладбище?

Изрядно подустав выдерживать серьёзную мину, следователь скорчил кислую гримасу и отрешенно посмотрел в окно; беседа Пал Палыча явно тяготила.

– Я не утверждаю, что именно он там похоронен! Но могилка, оформленная на его имя, там точно есть. Что в ней... точнее кто – я этого не знаю: может там пустой гроб; может в гробу кто-то другой, но уж только не этот Пятаев.

– Вы утверждаете это на основании того, что тот самый Пятаев, именно тот, про которого вы сейчас говорите, бродит среди могил с копьём в руке как истинный спартаец... или индеец? Может Чингачгук?

Саша вспыхнула:

– Нет!.. Как Ахилес, в исполнении Бреда Пита. А может и сам Бред Пит там бродит... а может быть – они оба. Не надо ерничать, товарищ следователь, и не надо меня принимать за сумасшедшую! Этот Пятаев не бродит среди могил, а просто преследует меня. Я пошла на кладбище, выяснить там он или нет, а он шёл за мной.

– Кто он-то? Покойник?

– Да не покойник! И не призрак! – Саша всхлинула... и расплакалась. – А может и призрак. Я уже сама не понимаю, что происходит. Да, всё это звучит дико, но что мне прикажете делать? В больнице сказали, что парень умер, я была на его могиле, потом мы разговаривали по телефону, и тут он вышел из кустов. Я его узнала.

Кропоткин взял графин и налил воды.

– Вот, выпейте и успокойтесь, потом расскажите всё по порядку.

Саша в несколько глотков осушила стакан, поставила его на поднос трясущейся рукой.

– Мы спешили, Бита его ударил...

– Бита – это зарезанный накануне Биткин Владимир? – снова уточнил Кропоткин.

– Он самый, кто же ещё? Так вот, Бита ударил этого заика...

– Пятаева?

– Он упал, начал трястись. Мы с Лёлькой уложили его на лавку, а потом побежали на экзамен. Мы же не знали, что у него с сердцем проблемы. А потом Макс припугнул меня какой-то там статьёй из кодекса. Я испугалась.

– Сто двадцать пятая – «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии», ясенько.

– А нас, правда, за это посадить могут? Ну за то, что мы заике скорую не вызвали?

– Вас, навряд ли, а вот Биткина, если смерть Пятаева наступила по его вине, могли бы вполне, – Кропоткин снова начал стучать по клавиатуре, Саша облегчённо вздохнула.

– Слава богу, а то ведь и этот мне сообщение прислал, тоже про эту статью.

– Кто прислал, призрак?

– Опять вы за своё. Вы лучше мне расскажите, как Бита с Максом погибли. Чем он их убил?

Следователь взял со стола какую-то папку, достал из неё фото, потом достал ещё одно, уже из другой. Едва взглянув на снимки, Саша отвернулась.

– Не надо мне это показывать. Я и так уже которую ночь не сплю.

– Вот, смотрите, Биткин и Саенко были убиты похожим способом: глубокое колотое ранение в область сердца, перед тем как заколоть свои жертвы, преступник сильно избил обоих парней. Почерк убийцы одинаков, и есть основания для объединения этих убийств в общее дело. Правда в отношении Саенко... короче, у нас уже есть один подозреваемый.

– Кто?

– Некто Чебышкин по прозвищу Блоха.

– Не там копаете, – Саша махнула рукой. – У Блохи Саенко обычно травку покупал.

– Чебышкин был последним, с кем видели Саенко накануне его смерти.

Хорошо, что вы не знаете, кто был последним из тех, с кем он разговаривал, а то бы вы и меня в подозреваемые записали. Я же главный спартанец района, хожу по паркам и протыкаю одиноких путников своим копьём.

– Ну и что? Блоха Макс у про заику этого рассказал, что того на скорой увезли. Вот и всё. А убил всех Пятаев, я в этом уверена. Кстати, а вы знаете, чем он их убил?

– Говорю же колотая рана в сердце. Длинный и острый предмет, скорее всего нож.

Саша дёрнулась.

– Может всё-таки копьё?

Кропоткин вспыхнул:

– Что за бред? Какое ещё копьё?

– Острое!

Следователь откинулся на спинку кресла и потянулся.

– Лыко да мочало... О Боже, итак, вторая часть Марлезонского балета.

Саша поднялась и, не попрощавшись, вышла из кабинета.

Тело Лёльки нашли через три дня в одном из дачных посёлков. Девушка была привязана к стулу, у неё было отрезано ухо и сломано несколько пальцев. Сашу вызвали на опознание – это было ужасно. Через сутки приехала Лёлькина мать и увезла гроб с дочерью в Самару. На похороны Саша, естественно, не поехала. Не успев как следует оправиться от болезни, она устроилась на временную работу. Мать, как обычно, задерживала перевод денег.

Этим утром Саше позвонил Кропоткин и попросил зайти. Допрос длился чуть больше часа. Вопросы, в основном, касались исчезновения Лёльки. Саша отвечала сухо, Пал Палыч опять что-то записывал, больше не ерничал по поводу призрака, был вежлив и серьёзен. Но и на этот раз, покидая кабинет следователя, Саша испытывала полную безнадегу. Выйдя в коридор, она накинула куртку и шапку, и помчалась на работу.

Денёк выдался погожий. Лёгкий снежок мягко ложился на землю. Ветра не было, вот только из подземки немного тянуло холодом. Саша стояла у входа в переход и вручала рекламки редким прохожим. Люди брали листовки неохотно, а Саша особо и не усердствовала. Она почти всё время смотрела на ларёк с чебуреками, решая сложную задачу – стоит ли потратить целый полтинник на чебурек и чашечку кофе?

Ночью случилось самое страшное. Сон, который Саша увидела этой ночью, оборвал все её надежды. Когда к ней подошёл очередной клиент, Саша сунула ему рекламку, не глядя.

– Так, так, посмотрим, что ты тут втюхиваешь лопухим обывателям, – произнес парень. – Пластиковые окна, высокое качество, доступная цена, и даже система скидок для постоянных клиентов. Бла-бла-бла... и много тебе за это платят?

– Меньше чем хотелось бы, вам-то что?

Саша подняла голову и ахнула. Вне всякого сомнения, это был он!.. но сегодня проклятый заика выглядел совсем иначе. Высокий, крепкий, без очков, одет он тоже был совсем по-другому: голубая лыжная куртка, отличного качества, ушанка «АртМех», высокие дорогие кроссовки. Голос у парня был чуть хриловатый, но вполне приятный. Лёлька бы сейчас сказала – сексуальный.

– Вижу, узнала, – парень рассмеялся. – Так сколько платят?

– Какое тебе дело до моей зарплаты, решил посочувствовать? Ты же не для этого пришёл.

– Не для этого.

– Зачем ты так над девчонкой издевался? Ухо отрезал. Она же ни в чём не виновата. Ну ладно ещё Биту, а Лёльку то за что? Ты же знаешь, что твой брат умер от сердечной недостаточности.

– Значит, догадалась, – парень улыбнулся. – Ты ошибаешься. Очень сильно ошибаешься. Если бы скорая приехала чуть раньше, Егорка мог бы выжить. Да, не думал, что всё поймёшь.

– Когда ты бежал за мной по кладбищу, и кричал «стой, тварь, стой!..» ты совсем забыл изменить голос, не картавил и не заикался, тогда я не придавала этому значения, а потом стала рассуждать и догадалась о многом...

– А ты не глупая, по крайней мере, не такая глупая, как твоя подружка. Когда я нашёл Егора в парке умирающим, он мне мало что рассказал. Сама понимаешь, с его-то речью... Я тогда и не больно слушал, меня всего трясло. Потом Егорку увезли.

– А телефон когда нашёл?

– Уже потом, я вернулся на то проклятое место, когда мне сказали, что мой брат мёртв, – скулы парня напряглись. – Не понимаю, зачем я тогда так поступил, ну в смысле вернулся, но получилось, что не зря. Эта дуручка кружила возле лавки и искала телефон. Видела бы ты её глаза, когда я вернул ей мобилу. Говорю же глупая. Представляешь, тут же стала со мной кокетничать. Даже не заметила, что мы с Егором похожи, как две капли воды.

– На твоего Егора она даже не взглянула, хоть он и пытался ей помочь. Это в её стиле, не замечать страшненьких, но зачем же так...

Парень вспыхнул.

– Егор не страшненький, он просто так выглядит! – Саша пожала плечами. – Потом я предложил твоей Лёльке прокатиться и отметить знакомство, и она тут же согласилась. Теперь вырубить её, связать и затолкать в багажник, было делом техники.

– И ты повёз её в загородный дом, чтобы пытать и издеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.